

Марина СИДОРОВА

«Беседы о старине Казанской»

Письма Н.Н.Булича М.Ф.Де-Пуле

В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранятся письма профессора русской словесности Казанского университета Николая Никитича Булича (1824–1895), адресованные воронежскому педагогу, краеведу, публицисту и писателю Михаилу Федоровичу Де-Пуле (1822–1885)¹. Шестнадцать писем, датированных 1874–1878 гг., содержат богатый материал из истории духовной жизни Казани первой половины XIX века.

Николай Никитич Булич родился 5 февраля 1824 г. в г. Кургане Тобольской губернии в семье чиновника — Никиты Ивановича Булича.

В 1835 г. вместе с четырьмя младшими братьями — Степаном, Александром, Константином и Павлом — он был привезен овдовевшим отцом в Казань. Казань была выбрана как один из университетских городов (Москва, Харьков, Казань) «по суеверному обычаю старины» — вытянутому билету. После этого был продан дом в Киеве, где семья жила с 1828 г., и куплен дом в Казани.

Окончив 2-ю Казанскую гимназию, Николай Булич поступил в 1841 г. на философский факультет Казанского университета. Годы студенчества во многом определили мировоззрение Булича. Он интересуется учением французских социалистов-утопистов, идеями и событиями французской революции 1848 г., заводит знакомства в среде политических ссыльных. «Вредное» польское влияние, которого так опасался отец Булича, увозя детей из Киева, оказалось весьма действенным в Казани, куда выслались поляки за участие в студенческих беспорядках. По воспоминаниям одного из братьев, Николай «уже двадцати лет и еще при жизни отца делается страстным поклонником Мицкевича, знает наизусть почти все его “Дяды”, “Пана Тадеуша”, и говорит по-польски как настоящий поляк»².

В университете Булич начал серьезно заниматься философией. Кстати, интерес именно к этой науке сблизил Николая Булича с Львом Толстым, в то время студентом юридического факультета Казанского университета. Возвращаясь воспоминаниями к обстоятельствам знакомства с Толстым, Булич в уже преклонном возрасте напишет о будущем писателе в письме к Н.Я.Гроту: «Один из его товарищей, близкий мне, познакомил нас, и мы часто видались: и на губернских балах, танцуя, и в его комнатке, возле темных хор, в квартире его тетки, и у меня. Тогда мы вели серьезные разговоры и всего больше о философии. Я изучал Спинозу, и помнится впечатление, произведенное на меня оригинальным умом Толстого»³. Однако Лев Толстой, разочаровавшись в университетской науке и разочаровав отдельных преподавателей (в частности, профессора русской истории и философии — Н.А.Иванова, под руководством которого занимался и Булич), покинул Казань, а его собеседник в 1845 г. по окончании университетского курса получил золотую медаль и звание кандидата за диссертацию «О философии Шеллинга».

Через четыре года Булич с блеском защитил в Казанском университете магистерскую диссертацию на тему «Значение формального и метафизического взгляда на науку логики с особенным рассмотрением логического учения Аристотеля» и был удостоен степени магистра философских наук. Рассчитывая на службу в столице, он отправился в Петербург. Но, одновременно с получением места в одном из министерств, был выбран адъюнктом по кафедре философии в Казанском университете. Булич предпочел преподавательскую деятельность и вернулся в Казань.

Казанский университет был представлен тогда созвездием имен: В.И.Григорович, А.Г.Станиславский, П.И.Котельников, К.К.Фойгт, А.М.Бутлеров, не говоря уже о знаменитом Н.И.Лобачевском, бывшем в то время помощником попечителя Казанского учебного округа.

Но служба в университете оказалась для Булича недолгой — в 1850 г. последовало распоряжение о передаче преподавания философии профессорам богословия, и, проработав на кафедре философии лишь четыре месяца, Николай Никитич «остался за штатом». Правда, на следующий же год университетское начальство, не желая потерять талантливую, подающего надежды молодого учёного, предложило ему адъюнктуру по кафедре русской словесности, обязав выдержать экзамен и написать еще одну диссертацию — уже по истории русской литературы. Булич принял это предложение, изменив, таким образом, направление своей научной деятельности. Но он никогда не сожалел об этом. Два десятилетия спустя он напишет в частном письме историку литературы и критику В.П.Гаевскому: «Обращение мое к русской литературе было совершенно случайно, но я утешаю себя мысленно, что дружба часто возникает из случайных и непредвиденных знакомств»⁴.

В 1854 г. Булич сдал в Петербургском университете экзамены и успешно защитил магистерскую диссертацию на тему: «Сумароков и современная ему критика». В том же году она вышла в Петербурге отдельным изданием и встретила самый сочувственный приём у специалистов. В ноябре 1854 г., Н.Н. Булич, удостоенный степени доктора славяно-русской филологии, был утверждён в должности экстраординарного профессора Казанского университета по кафедре русской словесности.

С этого времени начинается активная научно-преподавательская деятельность Николая Никитича. Очень важное значение имела для него в этот период двухгодичная заграничная командировка, позволившая познакомиться с уровнем развития философских и гуманитарных наук на Западе. «Я объехал всю Европу, кроме Пиренейского полуострова, — напишет он в автобиографии, — и был так счастлив, что лично узнал нескольких представителей европейской интеллигенции, главным образом немцев, и бывал в их обществе»⁵. «Знакомство с немецкой философией помогло мне тогда в Берлине сблизиться с такими представителями правой Гегелианизма, как Шульце, Мишеле, Дов, (физик) и даже с Лассалем... Как член философского общества я участвовал по каким-то дням в неделю, по вечерам в их простых, но содержательных беседах»⁶.

Он вернулся в Казань летом 1858 г. «со страстным желанием» подготовить новый курс по истории русской литературы с XVII века. Лекции Булича, да и сама личность ученого вызвали большую симпатию и уважение студентов Казанского университета. Они приходили в восторг от чтений молодого профессора, находя их очень «либеральными». В широком ходу была в те годы студенческая эпиграмма на Н.Н.Булича:

*Говорят, что наш печальный,
Наш озерный мрачный край,
Освещает либеральный
Только Булич Николай!..⁷*

Тёплые воспоминания о Буличе тех лет оставил Д.А.Корсаков — его ученик, впоследствии профессор русской истории Казанского университета: «Николай Никитич Булич, в 1856 году [...] экстраординарный профессор по кафедре русской словесности, привлекал к себе прежде всего своей внешностью, необыкновенно изящной и щеголеватой. [...] Это был высокого роста брюнет, с вьющимися, но тщательно причёсанными волосами, всегда безукоризненно одетый, с ровной походкой и мягкими, любезными манерами в обращении; с плавной, размеренной и тихой, но вместе с тем едкой и насмешливой речью; с задумчивым, сосредоточенным и нередко ироническим выражением лица. Н.Н.Булич особенно часто бывал у нас в 1859 году, по возвращении из-

за границы, именно в ту пору, когда студенты восхищались его либеральными лекциями... Успех его университетских чтений ставил в моих глазах Н.Н.Булича на недосягаемый для меня научный пьедестал. На него смотрел я как на представителя строгой, западноевропейской науки, каковым он и был в действительности. Его лекции по истории русской литературы [...] очень нравились мне... Эти [...] лекции оказали большое влияние на мои последующие занятия»⁸.

Неизбалованное казанское студенчество заслушивалось лекциями молодого профессора и после одной из них разразилось аплодисментами. Это обстоятельство и повлекло за собой весьма печальные последствия для Булича. 14 октября 1859 г. начались в университете неприятные события, вошедшие в историю Казанского университета как «Дело Булича». В 50-е гг. XIX в. выражение публичного одобрения или недовольства лекциями преподавателей во избежание беспорядков было «высочайше» запрещено. За аплодисменты после лекции Булича университетская администрация исключила из университета 9 человек, в том числе двух дворянского происхождения. Эта ситуация отозвалась для профессора большими неприятностями. Они сыпались буквально со всех сторон. Для университетских и городских властей он приобрел репутацию «неблагонадёжного» человека. Казанское дворянское общество отвернулось от него. И хотя Булич никогда не стремился к близости с ним, он тяжело переживал это время. В автобиографии он напишет об этом: «Страшное негодование этого общества обрушилось на меня; жить было трудно, да и работать также»⁹. Министерство тоже не преминуло показать свою силу: 23 февраля 1860 г. Булич, вследствие подозрения «во вредном направлении его чтений», был уволен с должности профессора. Студенты, со своей стороны, не простили своему любимцу того, что он не защитил их и на следствии утверждал, что никакого «повода» для аплодисментов не давал.

Булич был вынужден вновь покинуть Казань и хлопотать о получении места в Петербурге. Весь 1860 и начало 1861 г. он провел в столице — работал в публичной библиотеке над докторской диссертацией по философии эпохи Возрождения, успешно выступал с публичными лекциями и терпеливо ждал решения вопроса относительно своего утверждения на кафедру философии в Петербургском университете.

В это время он сблизился с выдающимися деятелями науки и литературы обеих российских столиц: в Москве — с Ф.И.Буслаевым, В.Ф.Коршем, Н.С.Тихонравовым; в Петербурге — с Я.К.Гротом, И.И.Срезневским, А.В.Дружининым, И.С.Тургеневым, Н.Г.Чернышевским. Имя Булича в непродолжительное время сделалось известным во всех образованных столичных кругах.

Между тем историко-филологический факультет и совет Казанского университета неустанно хлопотали о возвращении «достойного, известного образованному миру своими учёными трудами и признанного одним из лучших знатоков русской литературы, профессора на прежнюю кафедру русской словесности»¹⁰. Наконец, поддавшись на уговоры, и, видимо, потеряв надежду на получение должности в Петербурге, чему, как считал сам Булич, помешали «рукоплекскания казанские и разные доносы»¹¹ он принял решение вернуться в Казань. «Окончив курс в Казанском университете, обязанный образованием и положением в жизни Казанскому университету, я всегда считал за честь и счастье служить ему», — писал он¹².

Зимой 1861 г. Булич возобновил чтение лекций. Интерес к ним был по-прежнему высок. Знание европейских языков, интерес к русским и иностранным книгам и периодике, которые Булич в большом количестве выписывал, в том числе из-за границы, позволяли ему следить за всеми новыми явлениями в области литературы и философии. Студенты других факультетов и даже учащиеся Казанской духовной академии оставляли аудитории своих профессоров, предпочитая им лекции Булича. В это время учёный писал брату Константину: «Начал лекции, читал две, сегодня третья. Народу много: студенты, профессора, попы, офицеры. Читаю в трёх аудиториях разом. Из самой большой отворяются двери в соседние, и они полны [...] Дай бог, чтобы всё шло как по маслу...»¹³.

В такие дни жизнь радовала его: «Своей жизнью я покуда очень, очень доволен. Чуждый всего, вдали от сплетен, я спокойно сижу в своей хорошенькой и дешевой квартире. Вижу только кого хочу, и пускаю кого надо. Меня называют монахом и затворником, а работы много...»¹⁴.

В эти и все последующие годы Булич действительно отдавал работе всего себя. В научном мире становятся хорошо известными его историко-литературные труды, такие, как «Значение Пушкина в истории русской литературы» (1854), «Биографический очерк Н.М.Карамзина и развитие его литературной деятельности» (1866), «К столетней памяти Ломоносова» (1865), «Ф.М.Достоевский и его сочинения» (1881), «В.А.Жуковский: (1783–1883)» (1883) и пр.

Однако своим главным делом он всегда считал преподавательскую работу. Тридцать пять лет (1851–1885) Н.Н.Булич возглавлял кафедру русской литературы в Казанском университете и был бессменным преподавателем истории отечественной словесности. Его лекции, строго обдуманые по своему плану, насыщенные серьезным научным содержанием, из года в год подвергались авторской редакции, обновляясь новыми данными и фактами. К сожалению, этот материал не был опубликован ученым, и, по всей видимости, погиб вместе со всем огромным рукописным архивом Булича во время пожара в его имении Юрткули. «Целым литературным некрополем» назовет этот архив Н.К.Пиксанов¹⁵.

Что касается содержания лекций Булича, то наиболее целостное впечатление о них дают «Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века» (СПб., 1902), охватывающие содержанием литературную, общественную, духовную жизнь России двух первых десятилетий XIX в. Они представляют собой фрагмент лекционного курса, который читался Буличем в 1870-е гг. в Казанском университете. «Очерки» были изданы в Петербурге сыном ученого Борисом Николаевичем Буличем после смерти отца, который, вероятно, и не предполагал их публикацию. Масштабность и научная основательность этого труда (700 страниц текста!), выдержавшего два издания, представляет большой интерес и для современного литературоведения.

На протяжении многих лет кроме основного курса Булич читал лекции по истории всеобщей литературы, истории философии и даже славянским наречиям. «Чем только не приходится заниматься профессору в провинциальном университете», — будет сетовать он в одном из писем¹⁶.

Внушительен и послужной список Н.Н.Булича: член и председатель испытательного комитета, член совета при попечителе Казанского учебного округа; в 1862–1864, 1875–1878, 1881–1882 гг. — декан историко-филологического факультета, в 1864–1871 гг. — проректор, а в 1882–1885 гг. — ректор университета. На университетской службе Н.Н.Булич получил чин тайного советника, имел ордена св. Анны и св. Станислава первых степеней. В 1883 г. Академия наук выбрала его своим членом-корреспондентом, а Совет Казанского университета — Почетным членом.

В 1885 г. Булич по собственному прошению ушел в отставку с поста ректора. Свои последние годы он решил посвятить истории университета, в котором учился и долгие годы был профессором.

Разбирать дела университетского архива, официальные издания, собирать воспоминания старейших питомцев Казанского университета Булич начал еще в 1850-е гг. Но первые «рассказы» появились в «Ученых записках» лишь в 1875 г. под названием «Казанский университет в Александровскую эпоху»¹⁷. Что же подтолкнуло Булича к созданию этого труда? Сам он считал, что стимулом для этого начинания послужила переписка с М.Ф.Де-Пуле, часть которой (письма Булича) публикуется ниже¹⁸.

Михаил Федорович Де-Пуле происходил из дворян Тамбовской губернии. Сын отставного штабс-капитана Федора Карловича Де-Пуле, выходца из Лифляндии, и помещицы Варвары Ивановны (урожденной Сотенской), он в 1833–1836 гг. учился в

Козловском уездном училище, затем (в 1836–1842) в Воронежской гимназии. В 1846 г. по окончании словесного отделения философского факультета Харьковского университета, вернулся в Воронеж. Почти двадцать лет (1848–1865) он был преподавателем русского языка и истории, а с 1862 г. — помощником инспектора в Воронежском кадетском корпусе.

В конце 1865 г. Де-Пуле был назначен инспектором 1-й Виленской гимназии и через год стал ее директором. Затем (с 1868 г.) служил в Петербурге чиновником особых поручений Главного управления военных учебных заведений, а в 1870 г. был переведен в Полтаву на должность инспектора Полтавской военной гимназии. В отставку вышел в 1875 г. в чине действительного статского советника. Последние годы жил в Тамбове.

На протяжении всей жизни Де-Пуле занимался литературным трудом — помещал многочисленные литературно-критические, публицистические и педагогические статьи в «Московских ведомостях» (1857–1858), «Санкт-Петербургских ведомостях» (1864, 1868), «Атенее» (1858), «Русской беседе» (1859), «Времени» (1861), «Русской старине» (1870, 1872). Активно сотрудничал в «Русском слове». В 70-е гг. был особенно близок к «Русскому вестнику». В 1862–1863 гг. был редактором неофициальной части «Воронежских губернских ведомостей», в 1865–1868 гг. — редактором «Виленского вестника».

Среди наиболее значительных работ Де-Пуле — очерк «И.С.Никитин», опубликованный в книге «Сочинения И.С.Никитина» (Т. 1. — Воронеж, 1869), основанный на переписке поэта и личных впечатлениях Де-Пуле от общения с Никитиным в 1854–1861 гг. (по завещанию поэта Де-Пуле был его душеприказчиком), и широко известная монография «А.В.Кольцов в его житейских и литературных делах и в семейной обстановке» (СПб., 1878), насыщенная реалиями из жизни Кольцова, впечатлениями от встреч Де-Пуле (в его гимназические годы) с поэтом.

В 1875 г. в «Русском вестнике» Де-Пуле опубликовал очерк «Отец и сын: Опыт культурно-биографической хроники», посвященный двум деятелям недавнего прошлого — Ивану Алексеевичу и Николаю Ивановичу Второвым. Знакомство Де-Пуле с младшим Второвым (1818–1865) — выпускником Казанского университета, краеведом, историком и этнографом, бывшим редактором неофициальной части газеты «Казанские губернские ведомости» — состоялось в 1849 г. в Воронеже, куда Второв был определен на должность советника губернского правления. Это знакомство переросло впоследствии в многолетнее сотрудничество и дружбу. Де-Пуле входил в историко-этнографический кружок Второва и принимал участие в целом ряде его издательских проектов, связанных со сбором статистических сведений и обработкой древних актов Воронежской губернии.

На первых страницах своего обширного очерка Де-Пуле отмечал: «Предлагаемая хроника составила случайно. Большинству читателей герои ее — Второвы, едва ли известны; но многим книжным, литературным людям, мы полагаем, еще памятно имя Второва-сына как издателя старинных актов и автора нескольких сочинений, как лица, вокруг которого в одном из наших губернских городов образовался в пятидесятых годах литературный кружок, как деятеля в последней реформе по городскому управлению. Автор настоящей хроники, сам некогда принадлежавший к названному кружку, лично знавший Второва и хорошо знакомый с его деятельностью в провинции, давно задумал составить его биографию. Знакомство с семейными бумагами Н.И.Второва (дневниками, записками, письмами и т.п.) невольно, независимо от автора вызвало к литературной жизни другое лицо, уже решительно никому неизвестное, точнее давно забытое, Второва-отца. Таким образом, вместо одной задуманной биографии составились две в тесной связи между собою...»¹⁹.

Интерес Де-Пуле к казанскому периоду жизни Ивана Алексеевича и Николая Ивановича Второвых и послужил поводом для переписки с Буличем.

За помощью в сборе материала Де-Пуле обратился к редактору «Казанских губернских ведомостей» Н.Ф.Юшкову, который передал письма Н.Н.Буличу —

известному знатоку истории Казани. Так, в виде вопросов и ответов началась переписка, в скором времени превратившаяся для казанского профессора в «беседу», «настоящее наслаждение», когда «встают воспоминания прошлого и оживают поблекшие краски полузабытых лиц и образов». Следует отметить, что сам Булич не был знаком с «дневниками, записками, письмами» Н.И.Второва, о которых пишет Де-Пуле в приведенном фрагменте. Он добросовестно, методично, последовательно и при этом очень увлеченно отвечал на конкретные вопросы, поставленные Де-Пуле. Отсюда часто встречающаяся нумерация сведений по пунктам в письмах Булича, другие особенности, напоминающие нам, что публикуемые письма — лишь часть более обширного целого — переписки двух лиц. И здесь — главная трудность восприятия этих текстов, так как письма противоположной стороны (Де-Пуле), по всей видимости, не сохранились. Возможно, они так же, как и другие бумаги Булича, погибли при пожаре в имении Юрткули, о котором упоминалось выше.

Более двухсот имен казанских писателей и членов их семей, профессоров и преподавателей университета, казанских губернаторов, дворян, чиновников появилось на страницах писем Булича. В них рассказывается о казанских периодических изданиях и событиях университетской жизни, частных библиотеках и литературных салонах, масонстве и прочих общественных увлечениях — словом, представлена целая панорама интеллектуальной жизни Казани и всего Поволжья 30–40-х годов XIX века. Сведения извлекались Буличем со страниц казанской и столичной периодики (обязательно с точной ссылкой на источник), из дел университетского архива, добывались у казанских старожилов, строились на собственных воспоминаниях и догадках.

Де-Пуле ждал этих писем с нетерпением, торопил своего корреспондента. В № 4 «Русского вестника» за 1875 г., где была опубликована первая часть «Опыта культурно-биографической хроники», наряду с богатым историческим и литературным материалом, связанным с жизнью Второвых, были помещены любопытные факты казанской истории. Автор благодарил за помощь Булича («При составлении настоящей хроники мы встретили самое живое содействие и предупредительную помощь со стороны профессора Казанского университета Н.Н.Булича, восполнившего наше незнакомство с Поволжьем и с казанскою стариною»²⁰); ссылался на него и даже включил в хронику целые фрагменты писем.

В своей хронике Де-Пуле использовал большую часть сообщений, предоставленных Буличем. Однако множество интересных фактов и событий, характеристик людей и оценок их деятельности осталось за пределами культурно-биографической хроники. Объем этих сведений и их основательность, а также абсолютно бескорыстное желание Булича поделиться своими знаниями удивительны. «Пожалуйста, не смущайтесь вопросом о том, как поступить Вам с моими сообщениями. Я отдаю их в полное Ваше распоряжение... Чем реже Вы будете меня упоминать, тем для меня будет приятнее; я весьма мало щепетилен в этом отношении и посылал Вам свои сообщения, — во-первых, из уважения к вашему труду, а во-вторых, из того, что эти воспоминания были и мне близки и дороги», — писал он.

Булич был искренен в своих словах. После выхода в свет первых частей хроники он радовался успеху Де-Пуле, сожалел, что не сможет быть полезным впредь, и сердечно благодарил за публичную признательность (см. письмо от 22 мая 1875 г., №14, ниже).

Так культурный феномен прошлых столетий — «деятельная переписка», связавшая одной темой, одним полузабытым именем — Второвы²¹ — двух увлеченных людей, переросла в заочную дружбу корреспондентов, которые, вероятно, так и не встретились бы в жизни, и, что особенно важно, открыла новые страницы «казанской старины».

Интересна и еще одна сторона этой переписки, связанная с особенностями эпистолярного жанра. За письмами, какой бы «деятельный» характер они не носили, мы всегда видим личность. Удивительным образом письма Н.Н.Булича к Де-Пуле подтверждают слова, сказанные о казанском профессоре его племянником А.К.Буличем:

«Изумительная разносторонность, энциклопедичность [...] образования, собранная и систематически проштудированная Николаем Никитичем в течение всей его жизни богатейшая библиотека составили ему вполне заслуженную славу широко образованного человека того времени. Это видно в письмах Николая Никитича и вообще в любых строках, написанных его рукой. Сверх этого, все, что им написано, отличается удивительной проникновенностью, глубиной мысли, — очевидно, плод его солидного философского образования. Кажется, не было предмета, о котором он, по любому вопросу, без всякой подготовки, не дал бы вполне обстоятельного объяснения, чем широко пользовались я и мои братья, будучи гимназистами, причем никогда не встречали отказа на свои просьбы, всегда получали исчерпывающий ответ и необходимые пособия из его прекрасной библиотеки»²². Все эти качества Булича — энциклопедизм, точность, знание источников, безупречная отделка, и, наконец, невероятная научная щедрость найдут отражение в письмах его воронежскому корреспонденту.

Что же касается истории Казани, очерк М.Ф.Де-Пуле «Отец и сын: Опыт культурно-биографической хроники» станет одним из серьезных источников сведений о городе 30–40-х гг. XIX в. Он будет многократно использоваться и цитироваться исследователями казанской старины. Так, опосредованно, через Де-Пуле Булич окажет еще одну услугу городу, в котором прожил почти всю свою жизнь.

Самого Булича, как мы сказали, переписка с Де-Пуле подтолкнула к созданию грандиозного труда по истории одного из первых высших учебных заведений в России. В целом, непосредственная работа над историей университета заняла более двадцати лет. Фрагменты ее были опубликованы Буличем в «Ученых записках Казанского университета» (1875, 1880, 1886, 1890, 1891)²³, а отдельным изданием первый том труда «Из первых лет Казанского университета (1805–1819): Рассказы по архивным документам» вышел в Казани в 1887 г., второй — в 1891 г. Появление книги вызвало множество отзывов. Многие из рецензентов назвали ее самым важным трудом казанского профессора. Возможно, так казалось и самому Буличу, отдавшему этой работе очень много сил и любви. «Автор так долго служил Казанскому университету, столь много обязан ему, что труд этот доставлял и доставляет ему большое наслаждение...»²⁴, — напишет о себе Булич в предисловии к первому тому. Там же он подчеркнет необычность начатой им работы. «Писать, однако, такую историю образования, как мы убедились личным опытом, не совсем легко. Для нее необходимо особенное богатство архивных документов и живые предания. И тем и другим мы могли пользоваться, насколько позволяли нам собственные силы и побочные обстоятельства. [...] наши рассказы не имеют ничего общего с теми официальными университетскими историями, которые составляются и печатаются к юбилеям университетов. Мы хотели правды, какова бы она ни была, желали показать то, что было в самой действительности, не руководствуясь при этом никакою заднею мыслью. Очень может быть, что не совсем приятные картины прошедшей жизни старого университета являются на наших страницах, но мы не выбирали их. Могут упрекнуть нас и в том, что мы долго рассказывали о личностях, которые сами по себе не стоят рассказа, что мы передавали и разные анекдоты некрасивого свойства, останавливались на мелочах, на скандалах профессорской жизни, на интимных историях некоторых профессоров... Скажут, что все это мелочи, не заслуживающие внимания, но и жизнь складывается из мелочей... А жизнь провинциального русского университета [...] особенно богата этими мелочами»²⁵.

В рецензиях на книгу также подчеркивалась оригинальность работы. «В высшей степени любопытная книга г. Булича, — писал “Журнал министерства народного просвещения”, — заслуживает особого внимания не только бывших студентов Казанского университета, для которых она особенно должна быть занимательна и поучительна, но и всех, интересующихся историей просвещения в нашем отечестве»²⁶. А.Н.Пыпин в 8-м номере «Вестника Европы» за 1887 г. начал свою рецензию словами: «Настоящая книга есть одна из любопытнейших, какие только есть в нашей литературе по истории наших

университетов. Собственно говоря, другой такой книги и совсем нет»²⁷. Ученый писал далее: «Если бы мы имели и для других университетов истории, написанные по подобному плану, это был бы поистине драгоценный вклад в историю нашего образования и науки»²⁸. Мнение Пыпина совпадало с мнением рецензента «Исторического вестника»: «С величайшим удовольствием, как самый занимательный роман, прочли мы книгу г. Булича и рекомендуем ее всем тем, кому дорога история русского просвещения»²⁹.

Аналогично характеризовали книгу «Из первых лет Казанского университета» «Библиограф», «Русская старина», «Русская мысль» и другие журналы.

К сказанному о публикуемых письмах Булича следует добавить, что они ценны и как уникальный, редкий документ его собственной жизни. Необыкновенно скромный, Николай Никитич был известен крайней сдержанностью и даже скрытностью своего характера. Во многом этому способствовали обстоятельства его жизни, да и времени в целом. Парадоксально, но ни с одним из своих корреспондентов, а ими были — П.П.Пекарский, В.П.Гаевский, М.М.Стасюлевич, В.В.Стасов, А.Н.Пыпин, Н.С.Тихонравов, А.Д.Галахов, К.Д.Кавелин³⁰ и мн. др., с которыми Булич был лично знаком, он не был так искренен в разговоре о самом себе, как со своим «заочным» знакомым. Эти письма — барометр его души и настроений.

Н.Н.Булич умер 24 мая 1895 г. в имении Юрткули Спасского уезда Казанской губернии, так и не дописав историю Казанского университета, не опубликовав последних из написанных глав. Но Казанский университет благодарен этому человеку за многолетнюю честную службу, за свою первую историю и за уникальную библиотеку, которую в 1894 г., за год до смерти, он подарил своей *Alma mater*³¹.

«Жизнь Н.Н.Булича так сложилась, — скажет Н.К.Пиксанов в 1930 г., — что он не выявил всей своей научной и общественной стоимости. Но в известный момент и для историка наступает история. Теперь история скажет, что историк русской литературы и просвещения и сам крупный просвещенец-общественник Николай Никитич Булич является большой культурно-исторической ценностью»³².

* * *

Письма публикуются по современной орфографии с сохранением авторских особенностей. Все выделения в тексте писем принадлежат самому Буличу. Пропущенные фрагменты сокращенных слов, а также любые редакторские конъектуры даются в квадратных (прямых) скобках. Даты приводятся по старому стилю. Повторяющаяся нумерация писем, сделанная самим Буличем (с 1875 г.), сохраняется. Явные опечатки исправляются без оговорок.

Автор публикации приносит свою искреннюю благодарность за заинтересованное отношение и всестороннюю помощь сотрудникам Рукописного отдела Пушкинского дома, заведующей Отделом рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского Казанского университета Э.И.Амерхановой, главным библиографам этого отдела В.И.Шишкину и И.А.Новицкой (эту фамилию нужно заключить в траурную рамку), директору Музея Е.А.Боратынского в Казани И.В.Завьяловой.

¹ ИРЛИ (Пушкинский Дом). Архив М.Ф.Де-Пуле. Ф. 569, ед. хр. 153.

² Булич К.Н. Из записок К.Н.Булича. 1828–1846 гг. // Вестник Европы. — 1903. — № 8. — С. 745.

³ Цит. по: Бобров Е.А. Заметки по истории русской литературы, просвещения и культуры // Варшав. универ. изв. — 1912. — Т. 9. — С. 67-68.

⁴ РНБ. Ф. 171. Арх. Гаевского В.П. Ед. хр. 44.

⁵ Булич Н.Н. [Автобиография] // Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. — СПб., 1897–1904. — Т. 6. — С. 128. В дальнейшем: Булич. [Автобиография], с указанием страницы.

⁶ Цит. по: Бобров Е.А. Указ. соч. — С. 67. См. об этом: Сидорова М.М. Николай Никитич Булич, 1824–1895. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002; Сидорова М.М. «Письма из Берлина» Н.Н.Булича //

Поэтическое перешагивание границ: (Юбилейный сборник к 65-летию Почетного доктора Казан. ун-та Герхарда Гиземана). — Казань, 2002. — С. 99-105.

⁷ Корсаков Д.А. Былое в жизни Казанского университета. 1856–1860: Из воспоминаний о прошлом // Былое из университетской жизни. — Казань, 1904. — С. 158.

⁸ Там же. — С. 169-170.

⁹ Булич. [Автобиография]. — С. 129.

¹⁰ Цит. по кн.: Корбут М.К. Казанский государственный университет... за 125 лет (1804/05–1929/30). В 2 т. Т.1. — Казань, 1930. — С. 166.

¹¹ Булич. [Автобиография]. — С. 130.

¹² НА РТ. Ф. 977, оп. ист.-фил. фак., д. 800.

¹³ Булич А.К. Николай Никитич Булич и современное ему казанское общество: (Семейная переписка и воспоминания) / Предисл. Н.К.Пиксанова // Учен. зап. Казан. ун-та. — 1930. — Т. 90, кн. 5. — С. 934.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Пиксанов Н.К. [Предисловие к работе: Булич А.К. Николай Никитич Булич и современное ему казанское общество] // Учен. зап. Казан. ун-та. — 1930. — Т. 90, кн. 5. — С. 909.

¹⁶ РНБ. Ф. 171. Арх. Гаевского В.П. Ед. хр. 44.

¹⁷ Булич Н.Н. Казанский университет в Александровскую эпоху // Изв. и учен. зап. Казан. ун-та. — 1875. — № 1. — С. 3-48; № 2. — С. 241-288; № 3. — С. 439-488.

¹⁸ Так, в письме от 25 января 1875 г. Булич писал своему корреспонденту: «...должен Вам сказать, что Вы именно, ваши вызывающие письма, ваше одобрение увлекли меня в сторону и побудили к труду, о котором я только мечтал. [...] я имел неосторожность (для Вас именно неожиданную) решиться заняться подробной [...] повествовательной историей Казанского университета...» (См. письмо 8 в данной публ.)

¹⁹ Де-Пуле М.Ф. Отец и сын: Опыт культурно-биографической хроники. Гл. I–II // Рус. вестник. — 1875. — Т. 116. Апрель. — С. 494.

²⁰ Там же. — С. 495.

²¹ Об И.А. и Н.И. Второвых см. публикуемые письма и примечания к ним (примеч. 3, 4 к письму 1 и др.). В том же письме от 22 мая 1875 г. Булич писал о Второве: «...культурное развитие провинции зависело именно от таких скромных и беспритязательных личностей, принадлежащих к среднему классу» (см. письмо 14 ниже).

²² Булич А.К. Указ. соч. — С. 922.

²³ Изв. и учен. зап. Казан. ун-та. — 1880. — Янв.–февр. — С. 1-112; Учен. зап. Казан. ун-та по ист.-фил. фак. — 1886. — С. 1-387; Учен. зап. Казан. ун-та. — 1890. — Кн. 1. — С. 1-144; Кн. 2. — С. 145-276; Кн. 3. — С. 127-244; Кн. 5. — С. 133-208; Кн. 6. — С. 122-214; 1891. — Кн. 1. — С. 179-276; Кн. 2. — С. 141-269.

²⁴ Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета (1805–1819): Рассказы по архивным документам. В 2 ч. Ч. I. — Казань, 1887. — С. VI.

²⁵ Там же.

²⁶ Э.Р. // ЖМНП. — 1887. — Ч. 251. — С. 411.

²⁷ Пытин А.Н. Старые университетские нравы // Вестник Европы. — 1887. — № 8. — С. 729.

²⁸ Там же. — С. 730.

²⁹ П.П. // Ист. вестник. — 1887. — Т. 29. — С. 668-669.

³⁰ Эти письма хранятся в отделах рукописей ИРЛИ (Пушкинского Дома) и РНБ.

³¹ См.: Ермолаева Н.В. Книжное собрание профессора Казанского университета Н.Н.Булича // Библиотека Казанского университета: Фонды, раритеты, история... — Казань, 1989. — С. 34-56.

³² Пиксанов Н.К. Указ. соч. — С. 915.